

Поэма с крестовой отвёрткой

I

В глазах змеятся:

дубликат ключа,

дубликат ручья,

указатель пальца,

листопат, ничья.

Мглисто со свистом.

Тянет заповедный министр,

собиратель искр,

песнь отпетую,

песнь, прорезанную

в корке цвета

скальпелем, вензелем

воды венозной

в землистых руках

в змеистых руках.

Гонзо, такое гонзо,

ах!

Квест нательный

и внутренняя котельная

запутывают друг друга

упруго,

как чёрная пурга.

Где зга?

А зга у каждого своя,

мятная земля

на зубах крокодила.

Мятная земля,

прокачанное Фуко кадило.

На кованную решётку
наколоты красные листья,
и вкрадывается шёпот
уличного закулисья.
Мглицо со свистом
металла заторможенного.
За приступом приступ
чуждости и ложности.
Листья красные
с ладонь размером
прибиты к радости
толщиной веры.
Показывают разное
своим примером.

На ступеньках стадий
инструменты разложены
для разговоров об аде,
стаде и том, что можно.
Инструменты ржавые,
инструменты спорные:
петух жареный
и рак нагорный.
Привет, свистоклюй,
привет, свистоклюй.

II

Летов на кассете
иронизирует,
солнце в корсете
ионизирует.

За свинцовой тучей
попрятушки,
гадиной ползучей
покусушки.
Сброшенным корсетом
переполох.
Конца светом
ох.

Декомпозитор разлагает мелодии
на преисполненность и преисподнюю,
и вибрируют атомы молоденькие,
словно все всё поняли
про будущее, прошлое и настоящее.
Что за дверью? Ну, что за дверью?
Ничего, темнота, а в ящике
обыкновенное чудо в имперьях.

Суверенитет-блабла —
сугубо ради блабла.
Блабла-суверенитет — рай суверена,
чтобы обглаживать Родину
до минус седьмого колена.
Рай сюзерена — обглаживать вотчину,
полный, так сказать, *superanus*.
Обглаживать и между прочим
утюжить, чтобы не упиралась.

Если есть такая возможность,
то плохое будет простейшим,
а хорошее предельно сложным,
в котором столько намешано,
что оно постоянно мешает

ободрать липку до нитки,
скататься в скарабейный шарик,
скатиться в околоколивание —
и далее в крысопытки.

Трагедия, фарс,
(вы находитесь тут),
первый не первый раз
точно, умрут.
Словно на скорость,
вкладывается всё в пазы:
чёрное молоко, чёрный творог
и, в конце концов, черный сыр.

III

Ду-ду — дудит дуда,
беда, беда, беда.
То перегиб туда,
то перегиб сюда.
Накатывают сны
внутри другого сна.
Изнанка тупизны —
другая тупизна.

Я не успел рассмотреть ничтожных листьев.
Помню только, что его убили
и с этого началось,
а может и раньше,
и раньше, и намного раньше.
Помню только, что его убили,
что их было много,
что их всех убили.

С этого места всё и стартануло,
а может и с предыдущего,
где их было много,
где их всех убили,
прикопали в ничтожных листьях
и в то же время великих.

Молчание —
дедиологизирует
и демонологизирует —
потайной начальник
с крестовой отвёрткой,
вкручивающий в качание
вито морто.
Ещё сильнее раскачивая вито,
усиливая врезь алфавита
в медные пластины,
культурные электроды.
Втаскивая в такие тины,
в такие броды...

Мы все чем-то пронизаны,
какими-то совпадениями:
такие разные ники и акселерационизмы,
а в облаке полутени,
тени. Яму другому роете,
но взломают и ваш роутер.

Почему в чаду разгула и разврата
не ходят люди брат на брата,
а вот позы миссионерские
коррелируют с адовыми зверствами
(пока подпольный обком бездействует)?

Возможно, повелитель мух
в медленной поездке кукух
одним зайцем убивает двух:
вместе с плотью
умерщвляется дух...

Переход наперерез,
на пересол салат.
Одна нога — сервитут,
другая — сервелат.
Никто ни в чем не виноват?

Чем смазывается впечатление?
Машинным маслом, рыбьим жиром,
вишнёвым вареньем?
Смазанное — выглядит паршиво,
а скатывается очень бодро.
Мерзкой влажной салфеткой
протри ему глаза, щёки и бороду —
и впечатление станет конфеткой.

Станет конфеткой, которую ждут
лысые черепа, которые жмут
руку кожаным черепам,
руку, наложенную на жгут,
наложенный на парам-пам-пам.

Начинался листопанк,
отродясь от никогда,
по нему тыгдык-тыкдык
делали круги собак.

Обычный свистоклюй

и новый листопанк
зашлись в одно лицо.
Гляди! Он кинул клич
туда, куда кулич.
Туда, куда кулич,
и оттуда, куда кулич.
Клич кличем
вышиблен и отлично!

IV

Переворот листа
на матовую сторону
ождается, у моста
расшатываются корни.
Шершавой щекой
шею твою трону,
над серой рекой
свешивая крону.

Точка в лепестках цветочка,
стоячее утро и влажный вечер,
пригубленная мочка.
Проникновение вечно.
Вечность проникновенна,
словами за слоем слой
развязывается вселенная
и мы в ней свой.

Вишнёвых ветвей костры,
с туманом гарь пополам,
и ветер её остриг,
вихрастую в жёлтой панаме

вечернего всплеска, волн
воздуха, пересвета
и выходящих вон
из нутряного эта.

И смотрит вверх эфа.
Татлинова или эйфелева
слоняется костями.
Влажным тянет-потянет.
Река! Облака! Никаких бурчеев!
Новое — на пересечениях.
Я серендипен в дрейфе.

[Антон Шумилин](#), *сентябрь 2024*